

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-463-473

EDN: XEMVLW

МОРИЦ ЛАЦАРУС И АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

Рашид Султанович Аликаев

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия, ralikaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

Аннотация. Статья посвящена становлению психологической концепции языка в работе немецкого философа, психолога и педагога, доктора философии Морица Лацаруса (1824–1903) «Geist und Sprache» («Дух и язык»). Изложение основывается только на вводной части к этой работе, где в достаточно сжатой форме сформулированы основные положения его философии языка, затрагиваются вопросы взаимоотношения языка и духа, отражения духа в языке и особенность его развития через язык, происхождение, функционирование и деятельность языка в духе. Отмечается, что автор не ставит задачу создания целостной психологии языка и всестороннего изучения духа. Лацарус до известной степени абсолютизирует значение языка, утверждая, что ничто не может быть мыслимо и совершено в духе без того, чтобы оно не приняло форму языка. Наблюдаются существенное влияние идей В. фон Гумбольдта на Лацаруса при обсуждении им вопросов сущности языка, взаимоотношения духа и языка. Сама постановка вопроса о сущности языка, его соотношении с носителем языка, его культурном потенциале в теоретическом и практическом отношениях весьма значима для кавказологических штудий, где активно разрабатывается лингвофилософская и лингвокультурологическая проблематика.

Ключевые слова: Мориц Лацарус; лингвоисториография; кавказология; язык и дух; психология языка; философия языка; происхождение языка

Для цитирования: Аликаев Р.С. Мориц Лацарус и аспекты психологической концепции языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 463-473. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-463-473. EDN: XEMVLW.

© Аликаев Р.С., 2025

Original article

MORITZ LAZARUS AND ASPECTS OF THE PSYCHOLOGICAL CONCEPTION OF LANGUAGE

Rashid S. Alikayev

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia, ralikaev@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

Abstract. This article examines the development of the psychological concept of language in the work *Geist und Sprache* (“Spirit and Language”) by the German philosopher, psychologist and educator Dr. Moritz Lazarus (1824–1903). The analysis is based exclusively on the introductory section of this work, in which the main principles of his philosophy of language are presented in a concise form. The article explores the relationship between language and spirit, the manifestation of spirit in language, and the peculiarities of its development through linguistic expression. It also addresses the origin, functioning, and activity of language within the sphere of spirit. Importantly, Lazarus does not aim to construct a comprehensive psychology of language or a systematic study of spirit. Nevertheless, he to some extent absolutizes the role of language, claiming that nothing can be conceived or realized within the spirit without taking linguistic form. A significant influence of Wilhelm von Humboldt’s ideas on Lazarus becomes evident, particularly in discussions of the nature of language and the interplay between spirit and language. The very framing of the problem—namely, the essence of language, its relationship to the native speaker, and its cultural potential in both theoretical and practical respects—is highly relevant to Caucasian studies, where linguo-philosophical and linguo-cultural issues are actively developed.

Keywords: Moritz Lazarus, linguistic historiography, Caucasian studies, language and spirit, psychology of language, philosophy of language, origin of language

For citation: Alikayev R.S. Moritz Lazarus and Aspects of the Psychological Concept of Language // Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – Р. 463-473. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-463-473. EDN: XEMVLW.

© Alikayev R.S., 2025

Введение

Философия языка остаётся одним из наиболее влиятельных направлений в современной науке о языке, в центре внимания которой находятся представления о природе и сущности языка, о роли языка в процессах мышления и познания. Данная статья посвящена аспектам психологической концепции языка Морица Лацаруса. Актуальность постановки вопроса заключается в том, что работа Лацаруса «Das Leben der Seele» («Жизнь души») практически не исследовалась специально, фрагментарно о его творчестве упоминается в рамках одного параграфа в работе Е.К. Романенко [Романенко 2011], между тем многие из его положений достаточно оригинальны, показывают преемственность традиций в новом обрамлении и заслуживают специального описания и анализа.

Мориц Лацарус (1824–1903) родился 15 сентября 1824 г. в городке Велень в семье раввина Аарона Левина Лацаруса, изучал право и философию в Берлинском университете, где и получил в 1850 г. докторскую степень, с 1860 по 1866 гг. занимал должность профессора психологии в университете Берна, затем с 1868 г. переезжает в Берлин, занимает должность профессора Королевской Военной Академии, далее продолжает работать в Берлинском университете на должности профессора. Лацарус совместно со Штайнталем (его зятем) издавал «Журнал по психологии народов и языкоznанию». Лацарус, как и Штайнталь, не был языковедом *sui generis*, основной областью его исследований была психология, в частности этнопсихология, где он касался вопросов языка как феномена духовной деятельности.

Психология в исследуемый период переживает особый расцвет, применительно к языку Лацарус и Штайнталь используют ее для дальнейшего развития

положений учений В. фон Гумбольдта, рассматривая язык как специфическое проявление психологии народа.

Исследование основ лингвофилософской концепции одного из наиболее значимых представителей немецкого психо- и этноцентрического языковедения второй половины XIX в. Морица Лацаруса дает возможность осветить экспликаторные характеристики «духа» в системе этноцентрической речевой деятельности, описать «жизненную силу и актуализацию народного духа» в языке, прояснить зарождавшиеся в то время взгляды на единство и целостность когниоречевой деятельности.

Методологический подход заключается в текстуальном исследовании размышлений Лацаруса, связанных с отношением языка и духа и их теоретической интерпретацией, что позволит показать особенности становления его психологической концепции только на материале вводной части его работы «Das Leben der Seele» («Жизнь души»), где в сжатой форме представлено его понимание языка и духа. Методологически значимо «с высоты» современных когнио- и речегенеративных концепций последовательное изложение воззрений Лацаруса на имманентную вербальную составляющую мысли, позволяющую языку воплотить саму сущность социального единения народа и выступать в качестве «овеществления духа», что можно применить и плодотворно использовать при изучении особенностей становления единого кавказского прайзыка и постепенном формировании отдельных кавказских языков, в частности западнокавказских языков. Изучение сущности самого языка, проблем его становления, соотношения сносителем языка, когнитивного и культурного потенциала в теоретическом и практическом отношениях весьма также значимо для кавказологических штудий, где начинается активная разработка лингвофилософской и лингвокультурологической проблематики.

Основная часть

Главной работой Морица Лацаруса, посвященной соотношению духа и языка в направлении изысканий этнопсихологии того времени, является второй том его исследования «Das Leben der Seele» («Жизнь души»), опубликованный в 1857 году в берлинском издательстве Генриха Шинделера под названием «Geist und Sprache» («Дух и язык»). Работа включает большое и содержательное введение (с. 2-22), раздел I «Die Wechselwirkung zwischen Seele und Leib» («Взаимодействие души и тела», с. 23-60), раздел II «Ursprung der Sprache» («Происхождение языка», с. 61-120), раздел III «Die Erlernung und Fortbildung der Sprache» («Изучение и совершенствование языка», с. 121-158), раздел IV «Einfluß der Sprache auf den Geist» («Влияние языка на дух (разум)», с. 219-250) и Заключение (с. 251-258) [Lazarus 1857]. Во введении данной работы в достаточно краткой форме изложены видение Лацарусом языка как предмета психологии и ограничение его задач, вопросы сущности языка, постановка вопроса о происхождении языка, язык как божественное или человеческое творение, проблемы создания (творения) и изучение языка и язык как форма духа и её успех, согласие и расхождение между духом и языком, этнопсихологические задачи, связанные с

языком, которые получают свое развернутое изложение в соответствующих разделах работы.

Он определяет задачу своего исследования следующим образом: «Итак, если мы избрали дух и язык (*Geist und Sprache*) единым объектом нашего исследования, то, по-видимому, только взаимные отношения («*die gegenseitige Beziehung*») между ними могут быть реальной целью нашей задачи» [Lazarus 1857: 5-6]. Изложение ориентировано на то, чтобы показать, как развивается дух по отношению к языку («*die Entwicklung des Geistes zur Sprache hin*»), его поведение (*sein Verhalten*) в языке и особенность его дальнейшего развития через язык, с одной стороны, происхождение, существование и деятельность языка в духе («*die Wirkung der Sprache im Geiste*»), с другой стороны. При этом делается оговорка: «Ни полная психология языка, ни тем более всестороннее рассмотрение духа не могут входить в нашу задачу» (здесь и далее переводы мои – Р.С.) [Lazarus 1857: 6].

Свое предисловие к исследованию взаимоотношения духа и языка Мориц Лацарус начинает с утверждения значимости языка для духа, ибо «...ничто не может быть мысленно и совершено в духе без того, чтобы оно не приняло форму языка; как тень к телу, слово прикрепляется к мысли; даже когда мы не говорим и думаем молча, мы выражаем свои мысли словами» («...nichts im Geiste gedacht und vollbracht werden könne, ohne dass es die Gestalt der Sprache annimmt; wie der Schatten an den Körper, so heftet das Wort sich an den Gedanken; auch wenn wir nicht reden und schweigen, denken, so denken wir unsere Gedanken in Worten») (Здесь и далее в тексте немецкие цитаты даны в старой орфографии) [Lazarus 1857: 3]. Эти мысли Лацаруса, бесспорно, являются влиянием В. фон Гумбольдта, который писал: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для неё обретает полноту реальности только через посредство понятия» [Гумбольдт 2000: 80].

По мнению Лацаруса, процесс мышления носит монологический или диалогический характер, при этом «слово (слышимое или неслышимое) является неотделимой формой, неразрывным очертанием, неразрывными оковами его содержания» («alles Denken ist entweder ein Dialog oder ein Monolog, denn das Wort, hörbar oder unhörbar, ist für das Denken die unablässliche Form, die unzertrennliche Gestalt, die unentriinbare Fessel seines Inhalts») [Lazarus 1857: 3].

Ссылаясь на Г.В. Лейбница, который называл язык зеркалом духа, в языке он видит картину сущности самого духа. Говоря другими словами, Лацарус следует гумбольдтовской традиции, также выдвигая взаимоотношение языка и духа в центр своего исследования, разделяя его мысль о том, что между языком и духом существует отношение воплощаемости; дух воплощается в языке как в своем орудии [Lazarus 1857: 4]. Там же он отмечает: «Даже очень простые мысли не могут обойтись без языковой формы для их передачи; многие духовные содержания могут быть представлены в других формах, пластические искусства и практические манипуляции также выражают образы и движения ума [Lazarus 1857: 4].

Язык, однако, является не просто возможным и доступным (der mögliche und zugängliche), но единственным и необходимым выражением (der einzige und notwendige Ausdruck) для высшей общности духовной жизни, "язык сам по себе является бесконечно обширным по своему объему, значимым по своей связи с внутренним миром и поистине чудесным фактом" («...die Sprache an und für sich ist eine durch den Umfang unendlich weitgreifende, durch die Beziehung zum Inneren bedeutungsvolle und schierwunderbare Thatsache») [Lazarus 1857: 4].

По мнению Лацаруса, человек не в состоянии без использования языковых средств передать тривиальный факт, к примеру, «в прошлую среду прогремел гром» («am letzten Mittwoch hat es gewittert»), тогда как многие духовные содержания могут найти свое выражение в других формах, например, в пластических искусствах. Даже очень простые мысли не могут обойтись без языковой формы для их передачи; многие духовные содержания могут быть представлены в других формах, пластические искусства и практические манипуляции также выражают образы и движения ума. Своебразие заключается в том, что «прошлую среду» «невозможно представить ни нарисованной, ни высеченной в камне, но и внутренне представить ее невозможно без привязки к определенному времени,... внутреннее восприятие, которое мы наблюдаем, не является чем-то, что можно было бы описать словами, временная последовательность не могла бы быть зафиксирована и представлена как ограниченная во всех точках последовательность, если бы оно не было зафиксировано языком» («...kann weder gemalt noch im Stein gehauen dargestellt, aber auch innerlich nicht vorgestellt werden, ohne daß seine zeitmessende Bestimmtheit an ein Wort geknüpft ist..., ... daß die innere Wahrnehmung der Zeitfolge nicht als eine in jedem Punkte begrenzte Ordnungsreihe festgehalten und vorgestellt werden könnte, wenn sie nicht durch die Sprache fixiert wäre») [Lazarus 1857: 5]. Из этого он приходит к заключению о том, что «постоянная и всесторонняя связь духа с языком предстает не просто как действительный факт, а как необходимый факт», что «если язык образует форму, оковы и образ и потому является зеркалом духа, является органом его представления и рычагом его развития, то рассмотрение его является не просто достойной и плодотворной, но необходимой задачей психологии» [Lazarus 1857: 5].

Лацарус пишет: «Принято определять язык как: выражение мыслящего духа через тело; или, если не принимать во внимание язык жестов и рассматривать только фактический или фонетический язык: выражение духа через артикулированный звук. Вопрос в том, отражает ли это истинную сущность языка, исчерпывается ли оно этим» [Lazarus 1857: 6].

Звук как выражение тела обретает у Лацаруса чувственный облик в языке. Но это проявление тела можно считать языком в той мере, в какой с ним связано выражение духа, мыслительное содержание связано со звуковой формой, мыслительный акт – с речевым актом [Lazarus 1857: 6-7].

Лацарус полагает, что наука должна была бы поставить вопрос о том, какого рода эта связь звука и мысли, духа и языка; не имеет ли место в языке нечто большее, чем простое одновременное существование слова и мысли; не приводит ли мысль к чему-либо, кроме ее озвучивания и выражения, с ее помощью? «Даже наука», - пишет он, - «до недавних пор довольствовалась тем, что слово

обозначает понятие, то есть, когда звук произносится или слышится, в этот же момент говорящий или слушающий думает о соответствующем понятии; вопрос о том, не является ли язык лишь простым совпадением слова и мысли, даже не поднимался» [Lazarus 1857: 7].

Лацарус отмечает, что современники не исследовали сущность этой связи, т.е. не является ли она для мысли лишь средством её озвучивания и выражения, а занялись легко возникающими вопросами: откуда берутся эта связь мысли со словом и само слово; откуда дух получает возможность порождать слово в теле и как ему это удается? Говоря другими словами, занялись исследованием не сущности и природы языка, а его происхождения [Lazarus 1857: 6-7]. Мысли Лацаруса о сущности языка и слова также напоминают идеи В. фон Гумбольдта о том, что вся деятельность сознания, направленная на восприятие предмета, опосредуется языком. Слово не является ни копией вещи, ни отпечатком предмета в нашем сознании. «Слово, действительно, есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000: 304].

Задаваясь вопросом о происхождении языка, Лацарус не стремится разгадать доисторическую тайну его происхождения, а пытается определить необходимые и достаточные условия для появления этого творения на свет, которые должны продолжать действовать сегодня, чтобы сохранить его. А для понимания природы языка как сочетания духовной и телесной деятельности, по мнению Лацаруса, необходимо научиться «распознавать существенные черты общей взаимосвязи между телом и душой». Язык представляется ему как своего рода взаимодействие («eine Art der Zusammenwirkung») между ними, но чтобы глубоко понять суть этого взаимодействия, необходимо «распознать в нем общий род («die allgemeine Gattung») или общий закон взаимодействия («das allgemeine Gesetz der Wechselwirkung») между ними, чтобы не рассматривать частный факт языка как единичный, а постичь его в его общей закономерности», что детально рассматривается в первой главе его работы [Lazarus 1857: 8].

Лацарус отмечает, что в его эпоху существуют два понимания происхождения человеческого языка: одни декларируют его божественное происхождение, доказывая невозможность изобретение языка человеком, другие представляют его как человеческое творение и аргументируют, опираясь порой на теологические, порой на метафизические основания, что прямое послание от Бога невозможно. Но и те, кто представляет человеческое происхождение языка, не едины во мнении, одни предполагают, что язык – результат творения природы и потребности, созданный наподобие того, как звук возникает у животных, другие же склонны думать, что он есть творение произвола свободной воли [Lazarus 1857: 9].

Удивительную особенность человеческой речи (еще до ее появления) Лацарус видит в том, что дух изначально использует звуки как знаки для выражения собственных мыслей в процессе коммуникации с целью донести до других собственные мысли. При этом он задается трудно объяснимым вопросом о

том, как именно это делал дух. Он полагает, что при декларировании произвольности производства звука и его произвольной связи с определенными мыслями возникают две трудности. Во-первых, такое произвольное сочетание отдельных звуков выдает рефлексию, следов которой у простых людей не найти. Во-вторых, возникает вопрос о том, как осуществлялся процесс понимания, ведь оно уже предполагает некую конвенциональность, соглашение, язык, то есть звуки, применяемые и наделенные значением. Если же допустить, что непроизвольное образование звуков зиждется на естественной необходимости, то вновь возникает необъяснимая трудность: как объяснить связь между звуком и мыслью, каковы причины комбинации именно этих звуков с этими понятиями. Иными словами, утверждение божественного происхождения до такой степени подтолкнуло к осознанию этих трудностей, что объяснение проблем лишь откладывалось, хотя и углублялось, но не прояснялось и не решалось [Lazarus 1857: 10-11].

Не вдаваясь в подробное изложение существующих взглядов на данный вопрос и их критику, Лацарус отмечает их ошибочность, ибо сама постановка вопроса не была правильной, что не позволяло ответить на вопрос о происхождении языка. Ошибочность он связывает с тем, что изначально в языке видели только средство для передачи мыслей, рассматривая это средство как нечто новое и самостоятельное, добавленное к готовым мыслям. «Но пока», - пишет он - «с одной стороны, видят образованный дух, существо, наделенное готовыми понятиями и мыслящее в них и с их помощью, а с другой стороны, - язык как сокровищница артикулированных звуков, так что готовые понятия, чтобы стать опосредованным, проскальзывают в язык как в оболочку и тем самым приобретают чувственно воспринимаемую форму, - до тех пор, говорю я, исходя из такого взгляда на дело, так поставленного вопроса: до той поры связь между звуком и мыслью будет оставаться абсолютной загадкой» (*«So lange man aber auf der einen Seite den gebildeten Geist, das mit fertigen Begriffen ausgestattete, in und mit ihnen denkende Wesen auf der anderen Seite die Sprache als einen Schatz von artikulierten Lautgebilden sieht, so daß jene, um mittelbar zu werden, in diese wie in eine Hülle hineinschlüpfen und dadurch eine sinnlich wahrnehmbare Gestalt annehmen, so lange man, sage ich, von dieser Anschauung der Sache ausgehend, die Frage aufgestellt: so lange wird die Verbindung von Laut und Gedanke ein absolutes Geheimniß bleiben»*) [Lazarus 1857: 12-14].

Если даже допустить мысль о божественном или человеческом происхождении языка, о его свободном или случайном характере, он все еще остается загадкой, для ответа требуется не просто поиск происхождения звука языка, но поиск природы и смысла его связи с мыслью, т.е. необходимо пытаться найти ответ на вопрос о сущности связи духа и языка, как в сообщении внутреннее, мысль, связано с внешним, звуком? [Lazarus 1857: 15]. Высказанная здесь идея вновь напоминает В. фон Гумбольдта, который, обращаясь к проблеме происхождения языка, утверждал, что тайна происхождения языка – «преграда, через которую нас не сможет перенести ни историческое исследование, ни вольный полёт мысли» [Гумбольдт 2000: 66], а присущая только человеку способность производить членораздельные звуки – «пропасть, лежащая между бессловесностью животного и человеческой речью» – не может быть объяснена чисто

физиологическими причинами, «только сила самосознания способна чётко расчленить материальную природу языка и выделить отдельные звуки» [Гумбольдт 2000: 309; по данному поводу см. также: Постовалова 1982].

Понимание языка как воплощения и сосуда духа, по мнению Лацаруса, - не ошибка, но оно может привести к заблуждениям, ибо язык не есть тело, в котором обитает дух. Иллюстрирует он данное положение в сравнении с изобразительным искусством следующим образом: «Статуя, картина – это действительно воплощенная мысль; то есть, в камне и на холсте, в красках, действительно заключено нечто внутреннее, образ. Когда я смотрю на статую, через глаза я получаю чувственное изображение, а вместе с ним и мысль, то есть внутренний образ, который художник задумал и воплотил в камне. Иначе обстоит дело со словом; слово, звуковой образ, который воспринимает мой слух, не является отражением мысли, не содержит ничего от мысли; когда я слышу слово, звуки, я должен сам связать их с мыслью» [Lazarus 1857: 15-16]. Говоря другими словами, в языке не происходит пластического представления мысли посредством звука. В порядке исключения называются звукоподражательные слова.

Сущность истинного языка, продолжает Лацарус свою мысль, состоит в генерировании и рецепции звуков, в процессе которых говорящий связывает мысль, а слушающий сам связывает её. В языке внутреннее всегда остается внутренним, т.е. мысль никогда не выражается (в отличие от пластического искусства). При этом возникает вопрос о том, как актуализируется мысль и как она может быть передана и понята, если внутреннее никогда не становится внешним. Иначе говоря, трудность и проблема языка заключаются в процессе понимания.

Речь, определяемая как процесс звукоизвлечения, по мнению Лацаруса, ссылающегося на Эпикура, является необходимым и врожденным свойством человека, как лай собаки, который является необходимым и врожденным [Lazarus 1857: 17].

Рассуждая о том, как протекает процесс взаимопонимания между говорящим и слушающим (коммуникантами), Лацарус утверждает, что сама мысль не содержится в звуке, речь о том, что говорящий связывает ту же самую мысль с тем же самым звуком, когда произносит его, т. е. звуки обретают значение для слушающего, только если они находят отклик в его понимании. Из этого следует вывод о том, что «язык должен возникнуть одновременно и с одинаковой необходимостью у всех носителей языка. Никакие договоренности не могут породить язык, поскольку он должен зарождаться в каждом отдельном человеке, чтобы он мог участвовать в общем языке через понимание и высказывание», т.е. «...не может быть и речи о произволе в действиях отдельных индивидов, поскольку их действия должны происходить из внутренней и всеобщей необходимости» [Lazarus 1857: 17-18].

Важной целью исследователя, по Лацарусу, является демонстрация того, как взаимодействуют природные и исторические условия, как из первых возникает сходство, а из вторых – различие между созданием языка и его усвоением, и как, наконец, процесс создания языка отражается, продолжается и достигает своей цели в его дальнейшем развитии [Lazarus 1857: 19].

Язык для него является не только внешним средством для передачи информации, но и внутренней формой определенности мысли. Он обозначает определенный уровень в прогрессивном развитии духа. Звук же признается не просто внешней оболочкой для мысли, но и признаком и причиной определенной формы мысли, которая не могла бы возникнуть без его связи со словом, т.е. сама мысль изменяется в своей сущности и внутренне через звук, и, соответственно, дух (как сумма и порождающая причина мыслей) изменяется через язык. При этом язык не просто присоединяется к законченным мыслям, но образует определенную промежуточную точку для их развития, является существенной деятельностью души. Вся деятельность духа проходит через среду чувственности, от первоначального восприятия объективного до высшего проявления и манифестации внутреннего, субъективного, человеку языку нужен не только для выражения, но и для формирования внутреннего, для развития его собственной духовной деятельности, которое проходит поэтапно, сначала закрепляясь во внешнем (объективируясь), прежде чем возникнет более высокая ступень во внутреннем [Lazarus 1857: 19-20].

Свою задачу он видит не только в указании на момент вступления языка в развитие духа, но и в том, в какой степени он оказывает на него влияние. Дух развивается через язык, все мышление носит дискурсивный характер, неизбежно проявляясь в языковой форме, люди преувеличивают истинность данного факта, при этом не хватает обоснования и объяснения причины влияния языка на развитие духа.

Внутренняя форма мысли и определенное развитие духа даны языком каждомуциальному человеку и, следовательно, всем, помимо всякого участия в них. Дух и язык развиваются посредством взаимного взаимодействия, однако Лацарус ставит ряд вопросов, на которые он ищет ответ в последней главе своего исследования: стали ли они (дух и язык) теперь соответствовать (идентичны ли) друг другу; остается ли дух на той ступени, которая признана ступенью языкового выражения мысли, или поднимается на еще более высокую, для которой язык оказывается недостаточным; стоит рассмотреть, находят ли все проявления духовной жизни соответствующее выражение в языке или остаются недоступными для него; существует ли в регулярном и среднем употреблении языка настоящая гармония между двумя его элементами – психическим и физическим; действительно ли мыслимое и произнесенное, а также услышанное и понятое идентичны, и каким образом может быть обеспечено понимание сказанного и услышанного? [Lazarus 1857: 21-22].

Над этими вопросами Лацарус размышляет в основных разделах своей работы.

Отсутствие в работе вопросов, касающиеся языка как объекта народной психологии, включающих многообразие языков, их происхождение, классификацию и соотношение с общечеловеческой идеей языка, историю языков и так далее, он объясняет тем, что вся трактовка предмета, как и всего остального в данной работе, проводится исключительно на почве индивидуальной психологии. Лишь в заключительной части исследования даются некоторые указания относительно взаимоотношения индивида и коллектива, личности и народного языка,

чтобы наметить связи, существующие между отдельным говорящим и его языком, отдельным мыслящим человеком и духом его народа [Lazarus 1857: 22].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что Гумбольдт, являясь по существу основоположником философии языка как самостоятельного направления, оказал существенное влияние на становление языковой концепции Лацаруса. Он, находясь под влиянием Гумбольдта, формулирует задачи психологии языка и обсуждает их в русле психологии, оставаясь на эмпирическом уровне. Особо следует подчеркнуть, что постановка вопроса о взаимосвязи языка и мышления говорит о влиянии Гумбольдта, однако разграничивая язык и мышление, Лацарус абсолютизирует язык, представляя его в качестве главного (хотя и не единственного) в деятельности духа.

Оригинальным является у Лацаруса и понимание слова. Так же существенным предстает ориентир на более детальное описание процесса понятийного синтеза, данное у Лацаруса. Понятие «внутренней формы», которое он связывает с самим словом, спецификой его структуры, превращается во вторичный элемент его концепции языка, оригинальным является также признание динамичного характера самого понятия.

Мысли М. Лацаруса о «врожденности» речевой компетенции человека и о «необходимости вырастания языка в человеке» существенно определили время и предварили хомскианские концепции середины XX в. Данное положение Лацаруса применимо и к исследованию особенностей «вырастания» из общего пражзыка, происхождения и функциональных характеристик отдельных западнокавказских языков.

М. Лацарус устанавливает поликанальность экспликации «духа» в первичности вербальной интенсификации. При этом «чувственность» постулируемого в языковом коде «духа», которая обеспечивает фундаментальную связь и антропоморфный характер этой третичной абстракции предметно-деятельностного и ментально-вербальной реконструкции народа в языке, представляет собой значимое исходное положение для кавказологических штудий.

Психологизм Лацаруса не является доктринальным, как у Ф. де Соссюра, и не ставит границ в описании и транскодовом и полифокальном рассмотрении языка, что открывает новые горизонты для современной когнитивистики, концептологии и кавказологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гумбольдт 2000 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкоznанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

Постовалова 1982 – *Постовалова В.И.* Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 220 с.

Романенко 2011 – *Романенко Е.К.* Философия языка В. фон Гумбольдта и ее влияние на философско-лингвистические, этнопсихологические и антропологические учения в Германии XIX-XX вв. Автореф. дис. канд. филос. н-к. – М., 2011. – 19 с.

Lazarus 1857 – *Lazarus M.* Das Leben der Seele. Bd. 2: Geist und Sprache. – Berlin, Verlag von Heinrich Schindler, 1857. – 277 p.

REFERENCES

GUMBOL'DT V. *Izbranny'e trudy po yazy'koznaniju* [Selected Works on Linguistics]. – M.: Progress, 2000. – 400 p. (In Russ.).

POSTOVALOVA V.I. *Yazy'k kak deyatel'nost': opy't interpretacii koncepcii V. Gumbol'-dta* [Language as an Activity: An Attempt at Interpreting W. von Humboldt's Concept]. – M.: Nauka, 1982. – 220 p. (In Russ.).

ROMANENKO E.K. *Filosofiya yazy'ka V. fon Gumbol'dta i ee vliyanie na filosofsko-lingvisticheskie, etnopsychologicheskie i antropologicheskie ucheniya v Germanii XIX-XX vv.* [W. von Humboldt's Philosophy of Language and Its Influence on Philosophical, Linguistic, Ethnopsychological, and Anthropological Thought in 19th-20th Century Germany]. Avtoref. dis. kand. filos. n-k. – M., 2011. – 19 p. (In Russ.).

LAZARUS M. Das Leben der Seele. Bd. 2: Geist und Sprache. – Berlin, Verlag von Heinrich Schindler, 1857. – 277 p. (in German).

Сведения об авторе

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

R.S. Alikayev – Doctor of Philological Sciences, Full Professor.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.